

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

СВЕЖАЯ КРОВЬ

**МРАЧНАЯ
ФУГА**

МОСКВА

Т Е Н Ь Л О Г О В А
С В Е Ж А Я К Р О В Ъ

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА**

СВЕЖАЯ КРОВЬ

**МРАЧНАЯ
ФУГА**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Редактор серии *Полина Корицкая*

Оформление серии *Юрия Щербакова*

Во внутреннем оформлении использована фотография:

© WildlifeWorld / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Лавряшина, Юлия Александровна.

Л13 **Мрачная fuga / Юлия Лавряшина. — Москва :**
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-215433-1

По воле случая семеро студентов разных вузов оказываются в доме бывшего архивариуса следственного комитета. Пытаясь сэкономить на жилье, студенты незаметно втягиваются в опасную игру: им предлагается изучить архивы и найти пропавшего пианиста. Никто из них не знает, что fuga — не только музыкальный термин, но и психическое заболевание, при котором человек внезапно уезжает в незнакомое место и забывает о себе все... В самый трудный момент на помощь приходит известный следователь Артур Логов. Сможет ли он разложить мрачную fuga по нотам?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю., 2025

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-215433-1

* * *

Когда зарываешь в землю труп, стоит время от времени навещать на место захоронения и следить, чтобы растения, питающиеся продуктами разложения, не слишком отличались от своих собратьев и не кустились пышным цветом. Привлекут внимание... Придется из года в год заниматься прополкой, если хочешь сохранить жутковатую тайну.

— А ты хочешь? — спрашивал себя тот, кто утрамбовал мертвое тело в небольшую яму, мало напоминающую могилу. — Или плевать? Пусть уже найдут этого гаденьша и закончится история! Затянулась...

И все же продолжал каждое лето пропалывать траву, которая в том самом месте казалась более сочной и густой. Хотя его действительно почти не пугала угроза разоблачения... Мысли об аресте он не допускал — успеет ускользнуть из этого осточертевшего мира, прежде чем на его запястьях защелкнут наручники. На этот случай у него в кармане приготовлен складной нож, которым ничего не стоит полоснуть по сонной артерии, давно прочитал, как это делается. Так что тюрьмы бояться не стоит...

Какой же смысл тогда прятать мертвое тело? Не пора ли похоронить его по-человечески?

И тут он опять начинал спорить с собой:

— Да не стоит он того! Гнилым он был, вот пусть и гниет в яме, как склизкий мусор. Под осинной, как Иуда... Никто по нему не заплачет.

Хотя в последнем уверенности не было. Не хотелось, чтобы кто-то горевал по этому мерзавцу, но ведь у него, по крайней мере, были родители... И как вообще вспоминали убитого вдали от этой потайной ямы, зараставшей с таким энтузиазмом, точно в ней теплилась жизнь?

Каждый из нас в глубине души надеется, что хотя бы один человек будет оплакивать нашу смерть, ощущая холодную пустоту, образовавшуюся в мире, где живут миллиарды других... Но разве они заменят одного-единственного человека, с которым вы по утрам пили кофе, играли в «дурака», выходили на крыльцо послушать пение цикад, обещающих бесконечное лето?

Все обманчиво. Вот и скрытые в зарослях певички обманули — лето закончилось. Лето жизни... Трава стала блеклой, уже на корню похожей на сено, которое некому собирать, ведь никто уже не держит ни коров, ни лошадей. Они исчезают с лица земли. И мы с тобой однажды исчезнем... Кто нас будет оплакивать?

* * *

«...В ходе осмотра места происшествия, проведенного 21 сентября 2020 года, в фойе, находящемся в концертном зале Детской школы искусств, обнару-

М Р А Ч Н А Я Ф У Г А

жен труп собаки. Кобель. В холке 60 см. Окрас: черный. Беспородный. Возбуждено дело по статье 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными».

* * *

— Слушай, это же какой-то, блин, дом хоббита! Еще в таком заросшем саду прячется... Так и мерещатся закопанные трупы невинно убиенных... Ты реально собираешься тут жить?

— Перестань, прошу тебя, не нагнетай. Очень милый домик. Даже поэтичный! Такая высокая замшелая крыша с трубой...

— Помяни мое слово, вот под эту крышу хозяин нас и засунет. Внизу-то он сам живет. И будем куковать из окошка.

Поймав пальцами рукав черной куртки, Лиза настойчиво придержала его. Вуди всегда ходил вроде вразвалку, как старый моряк, но быстро, точно его влекла вперед какая-то неуправляемая сила, влияния которой Лиза не чувствовала и потому уставала идти рядом с ним. Порой даже казалось: вообще уставала от него... Но всякий раз сама пугалась этой мысли. Что за жизнь без Вуди?!

Находясь в покое, он был расслаблен и даже чуточку вальяжен, хотя в нем не было и следа барства, которое сразу оттолкнуло бы Лизу. Ей нравилось все простое: маленькие городки, заросшие парки, просторная одежда, гречневая каша... И Вуди тоже скорее смахивал на простолюдина, чего, кстати, он ничуть не стеснялся. А Лизе было легче с ним таким, ведь она и сама была из обычной семьи, каких миллионы. Ее родители не были интеллигентами —

ни по профессии, ни по душевному складу. Отец работал слесарем на заводе, а отдыхал с бутылкой пива перед телевизором, мама была кладовщицей, которая не прочла ни одной книги, после того как Лиза научилась складывать буквы.

Родители не ожидали, что это занятие так захватит девочку... Все школьные годы она засыпала с книгой в обнимку и, просыпаясь, сразу ныряла в воображаемый мир. Постепенно Лиза начала зарисовывать то, что видела, читая, и это увлекло ее не меньше. Из дома она не выходила без блокнота и карандаша, чтобы делать эскизы, правда, зарисовок с натуры у нее было немного, ей ближе были персонажи, рожденные собственной фантазией.

И ни разу у нее не получился портрет Вуди... Лиза пыталась, но его неправильное и, в общем-то, некрасивое лицо не давалось ей. Выходило что-то похожее, но это был не Вуди.

— Слушай, я уже выяснила: мы сможем пользоваться на первом этаже кухней, душевой и туалетом.

— Ура-ура, победа! — протянул он писклявым голоском. — Хоть срать из окна не придется!

— Фу! Не люблю, когда ты так говоришь... Считай меня ханжой, но это звучит противно.

— Для художницы ты действительно ханжа.

— А ты циник, как все врачи.

— Я не врач, а фармацевт. Почти. Есть разница. Микстурки не желаете? Есть отличные клизмочки! Цвет выберете сами...

— Да ну тебя! А ставенки ты заметил? Это единственный дом в округе, у которого есть ставни. Такие причудливые... Я его нарисую.

М Р А Ч Н А Я Ф У Г А

— Ну, ты хоть нашла, чем заняться, а у меня дорога до уника будет все время сжирать. Это же Королёв, блин! Даже не окраина Москвы.

— Сам говорил, что Ваня аж из Подольска ездит в мед... А отсюда до МЦК полчаса на электричке.

— На кой черт мне МЦК? О, кстати! А может, соблазнить Ваньку тоже снять кусок этой мансарды? Там же места до хренища! Человек десять без проблем уместится. Поставим ширмы или какие-нибудь перегородки сварганим. Чего ему мотаться черт знает откуда?

— Ваню? Я думала, мы...

— Что?

Проглотила разочарование: «Ну конечно... Ему и в голову не пришло». Заставила себя улыбнуться:

— Конечно, позови Ваню. Он-то ведь будущий врач? Хозяин уже старенький, всегда может понадобиться помощь медика.

— Какой старенький?! Чуваку еще семидесяти нет, три секунды, как на пенсию вышел.

— Ну. Это, по-твоему, не старенький?

— Ох, черт... Я забываю, что тебе всего восемнадцать. С высоты моих двадцати трех этот дед еще вполне. Стой, что это у тебя? — Он провел твердым пальцем возле уголка ее рта.

Лиза уже вытаскивала телефон, чтобы взглянуть на себя:

— Что там? Испачкалась?

— Да у тебя молоко на губах не обсохло!

— Ах ты гад! — Старый телефон скользнул обратно в холщовую сумку, набитую новыми красками и кистями. — Ну что ты ржешь?! По-твоему, это смешно?

— Ты смешная! Шейка тоненькая, а лицо круглое. Как леденец на палочке. Так и хочется облизать... Поэтому тебя зовут Лизой?

— Вуди, фу!

— Да что ж ты со мной вечно как с псиной безродной?!

Неуверенно рассмеявшись — вдруг и вправду обидела? — Лиза перекинула сумку на другое плечо. Скользнула взглядом по акварельному пейзажу: едва начавшая желтеть редкая березовая крона, на ее прозрачном фоне отдельные красноватые ладошки осины, темные кавычки зацепившихся за ветки ссохшихся дубовых листьев. «Нежнятина!» — фыркнул бы Вуди. Потому она и не обратила его внимание на почти невесомую красоту, окружавшую тропинку к станции. Едва уловимо пахло прелой листвой — грустный аромат прощания... Редкие пни превратились в накрытые кленовым угощением столики, а маленькие елочки, к хвоинкам которых прицепились разноцветные украшения, уже выглядели новогодними.

Но Вуди этого не разглядит, не оценит. Только язвительно высмеет ее стремление искать красоту во всем, даже в умирании природы.

«Что ж я так вцепилась в него? — думала Лиза с отчаянием, которое не могла побороть. — Мы совершенно разные... А я готова убить за него!»

* * *

В этом домике, который они только что осмотрели, Лизе мерещилась совершенно другая жизнь, которая, возможно, станет для них началом общей,

М Р А Ч Н А Я Ф У Г А

долгой и счастливой. Хотя она догадывалась, что Вуди и мысли такой не допускает... С момента их знакомства в поезде дальнего следования, где они оказались напротив на верхних полках и вынуждены были лежа общаться двое с половиной суток, Вуди разговаривал с ней с ласковой насмешливостью, точно она была его младшей сестрой.

А Лиза влюбилась в него уже через пять минут, а то и раньше... Хотя физиономия у него была некрасивая и нахальная, как у Вуди Харрельсона. Потому она и дала Юрию такое прозвище: его настоящее славное имя казалось слишком величественным для такого прохиндея с вечной глумливой усмешкой на губах. Гагарин, Долгорукий, Григорович, Любимов, Трифонов... Этот ряд можно было продолжить, но ее новый друг в него никак не вписывался.

Как и знаменитый актер, ее Вуди был некрасив и обворожителен, и это сочетание сбивало Лизу с толку, ведь художественный вкус, который она сама считала отменным, искал красоты, готовой отразиться на бумаге или холсте. Ее устремления были амбициозны, и Лиза сама сознавала это, потому и не делилась ни с кем мечтами не просто украсить мир, подчас пугающий уродством, но и людей вынудить измениться под воздействием красоты, которую ей непременно удастся создать. Не мог же Достоевский ошибаться? Он ведь классик...

Подошла электричка, они с Вуди заскочили в вагон, но сесть не удалось, хотя днем народу наверняка было меньше, чем по утрам. Не так уж весело им будет таскаться на лекции из Королёва... Зато какой домик! Она напомнила себе об этом, чтобы не скиснуть. Точно ожившая сказка. Как же чудес-

но будет встретить там Новый год! Даже ель растет справа от крыльца, ее можно нарядить в декабре, хотя бы повесить гирлянду, и крошечные огоньки весело замигают, приманивая удачу и счастье. Ей уже виделось, как они с Вуди опутывают колючие ветки, стряхивая легкий снег, и напевают на два голоса: «В лесу родилась елочка...»

Они остались в тамбуре, Лиза прижалась спиной к подрагивающей пластиковой стенке, а Вуди рядом привалился плечом. Когда они стояли так близко, невозможно было не заметить, что Лиза чуть выше его, и это огорчало ее дисгармоничностью. Ладно еще Пушкин с Натали перед зеркалом в Аничковом дворце на портрете кисти Николая Ульянова, восхитительная красота этой женщины искупала все... Но Лиза красавицей не была и сознавала это/

Тот же Пушкин написал будто о ней:

...Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне...

Нет, кожа у Лизы была вовсе не красной, а очень даже чистой и светлой, а вот все остальное сходилось — плоское лицо, просто блин, а не лицо... И глаза такие же круглые, до того светлые, что издали глазницы кажутся пустыми. Это ей, конечно же, Вуди сказал... Ему даже в голову не пришло, как он ее ранит.

Даже ее глупость, и ту Пушкин угадал сквозь века. Совершенный идиотизм! А как иначе назвать нелепую надежду на то, что «домик хоббита» станет для них с Вуди тем шалашом, в котором воцарится рай? Он уже собрался притащить туда своего дру-

М Р А Ч Н А Я Ф У Г А

га, какого-то Ваню. Только представил, видно, как тоскливо будет жить с ней под одной крышей...

Лизе с трудом удалось подавить вздох — почувствует ведь, их лица почти соприкасаются. Он хоть замечает это?! Зачем вообще поддерживает общение с ней, если не видит никакого — даже весьма отдаленного — будущего? Мог бы выйти из того поезда, что свел их в одном отсеке плацкартного вагона, и затеряться в толпе у Ярославского вокзала. И Лиза не нашла бы его никогда... Да и каким образом стала бы искать? В тот день ей были известны только его имя и новое прозвище, придуманное ею, ни фамилии, ни номера телефона.

Но Вуди сам поймал ее руку и затащил в кофейню: — Хоть нормального пошла хлебнем...

Лиза встрепелулась — он не сказал: напоследок! Это что-то значит? Это что-то значит!

Продолжая болтать так же оживленно, как в поезде, они выпили кофе, обменялись номерами телефонов, и Лиза сразу нашла его в «телеге», чтобы уж точно не потерялся. Отправила селфи, которое сделала наспех, потом жалела о том, что поторопилась, надо было хоть причесаться... Но побоялась, что Вуди сорвется с места, нырнет в пучину Москвы, и столица поглотит его целиком. Навсегда.

В метро их сразу оттеснили друг от друга, но Лиза не запаниковала — они уже не потеряются. Издали поглядывала на его редкую макушку, едва торчащую из-за плеча спортивного парня, и думала с нежным удивлением: «Некрасивый... Чем он меня зацепил?»

И до сих пор не понимала этого: само существование Вуди противоречило всему, что было созвучно ее душе, ее природе. Нелепым взъерошенным

галчонком, который немелодично выкрикивает грубости и готов долбить ей темя крепким ключом, он ворвался в ее мир, где Лиза разводила райских птиц, плодя их своей кистью с завидным упорством.

— Краси-ивое, — тянул Вуди, взглянув на ее очередную работу, и ухмылялся, не оставляя сомнений в том, как примитивно все, что она пытается сделать.

В такую минуту Лизе хотелось стукнуть его по лбу чем-нибудь гораздо тяжелее кисти... Но уже в следующую он так трогательно строил голубые глаза, что ее рука тянулась погладить лысеющую голову. Что у него с волосами? Кто теряет их так рано? Не в Чернобыле же родился, в Сибири...

Не хотелось думать, будто Вуди так держится за нее лишь потому, что они — земляки и только друг с другом могут вспомнить детство в родном Челябинске, перебрать названия улиц, за которыми мгновенно вырастают дома, расстилаются клумбы, распахиваются двери кафешек, доносятся обрывки фраз и смеха, возникают причудливые уличные скульптуры. Остальных знакомых невозможно было увлечь в путешествие по чужому для них городу... Лизе тоже в радость стали такие мысленные прогулки, но она надеялась, что не только этим интересна лучшему другу.

На этот раз она не позволила толпе разделить их в метро, ухватила за крепкий локоть, и их внесли в вагон вместе. У Вуди поехал вверх левый уголок рта, что Лиза замечала каждый раз, когда оказывалась так близко от него. Он защищался на-